

УДК 811.161.1'28+811.161.3'28

Этноязыковая специфика лексики говоров могилевско-смоленского пограничья (на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»)

Shapovalova Ludmila Ivanovna, Lapitskaja Irina Nikolajevna
Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev (Belarus)

UDC 811.161.1'373. 21

Etnolanguage specifics lexis of dialects mogilev-smolensk borderline (based on the "Dictionary of the mogilev-smolensk borderline dialects")

В статье определена этноязыковая специфика лексики говоров могилевско-смоленского пограничья и показана типология лексики переходных русско-белорусских (белорусско-русских) говоров.

Ключевые слова: этноконтактная зона, могилевско-смоленское пограничье, межъязыковое и междиалектное контактирование, переходные русско-белорусские (белорусско-русские) говоры, региональный словарь, типология диалектной лексики

The article defines etnolanguage specific of lexis dialects of Mogilev-Smolensk borderline and presentstypology lexisdialects inter dialect Russian-Byelorussian (Byelorussian-Russian) dialects.

Keywords: ethno-contact zone, Mogilev-Smolensk borderline, interlanguage andinterdialect contact, interdialect Russian-Byelorussian (Byelorussian-Russian) dialects, the regional Dictionary, typology of dialect lexis.

В этноконтактной зоне российско-белорусского пограничья исторически сложились говоры, которые издавна привлекали внимание ученых, пытавшихся постичь их феномен – определить языковую основу выявить этнолингвистические предпосылки к их обра-

зованию. Однако языковой статус пограничных говоров долгое время не был определен однозначно, что проявлялось в их терминологической «маркировке»: если эти говоры считали подсистемой русской или белорусской языковой системы, то называли соответственно *белорусскими говорами русского языка* либо *русскими говорами с белорусскими чертами*; если же в них видели исторический результат межъязыкового и междиалектного контактирования, то считали либо *смешанными*, либо *переходными русско-белорусскими* (белорусско-русскими) говорами.

Одним из первых в русской лингвистике идею переходности пограничных говоров высказал А.И. Соболевский, который, сравнивая московский, вяземский, смоленский и оршинский (оршанский) говоры, писал: «Границы – в обыкновенном смысле – нет; между наиболее западным вполне великорусским говором и наиболее восточным говором, вполне белорусским, переливается из одного с другой длинный ряд промежуточных говоров, которые нельзя назвать ни великорусскими, так как в них есть белорусские особенности, ни белорусскими, так как они не свободны от великорусских особенностей» [5, с. 17]. Е.Ф. Карский, называвший эти говоры и *белорусскими*, и *белорусскими говорами русского языка*, фактически признавал их переходность, т. е. «причислял их к тому или другому наречию, смотря по преобладающим в них особенностям; и белорусскую границу проводил там, где, при сильном ослаблении белорусских черт, начиналось преобладание великорусских... особенностей» [1, с. 438].

В середине XX в. известный диалектолог П.С. Кузнецов отмечал, что «граница русского и белорусского языков не может быть достаточно точно определена. На территории, занятой русским языком, прилегающей к территории белорусского языка, имеется большое количество русских говоров, содержащих известные белорусские черты, образующие как бы постепенный переход от русского языка к белорусскому» [2, с. 13]. Такое положение он объяснял тем, что «территории к западу от Москвы ... постоянно служили предметом борьбы между Русским государством и Литовским княжеством. Эти земли неоднократно переходили из рук в руки, они входили в состав то Литовского княжества, то Русского государства. Поэтому на протяжении веков здесь и вырабатываются говоры, образующие постепенный переход от русского языка к белорусскому» [2, с. 14]. По мнению других ученых (И.С. Козырев, Е.Н. Борисова), эти гово-

ры образовались в результате многовековых тесных связей русских с белорусами на основе общности социально-экономических и общественно-политических условий на определенных этапах развития двух восточнославянских народов.

Постепенно в лингвистике утверждалось признание переходной природы этих говоров, и на IV диалектологическом совещании (г. Москва, 1963 г.) была сформулирована задача построения типологии и теории переходных говоров. Однако, как уже отмечалось, в общетеоретическом плане они частично рассматривались Е.Ф. Карским и П.С. Кузнецовым; другие диалектологи описывали либо отдельные говоры пограничной русско-белорусской зоны (П.А. Расторгуев, В.Н. Новопокровская), либо языковые особенности этих говоров – фонетические, лексические, грамматические (А.Б. Пеньковский, З.Н. Жакова, С.М. Прохорова). В свете сказанного очевидно, что всестороннее исследование говоров русско-белорусского (белорусско-русского) пограничья до сих пор остается актуальным. Вот почему в Могилевском госуниверситете под руководством В.Б. Сузановича более тридцати лет проводится исследование говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) – изучение диалектных особенностей говоров, сбор диалектной лексики и фразеологии, создание картотеки и подготовка регионального «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ), первый выпуск которого издан в конце 2017 г. [3].

Многолетнее наблюдение указанных говоров в десяти районах могилевского и смоленского пограничья (Хотимском, Климовичском, Кричевском, Мстиславском, Горецком и Ершицком, Шумяцком, Хиславичском, Монастырщинском, Краснинском) позволяет утверждать, что при всем своем многообразии эти говоры сравнительно однородны; приграничные могилевские говоры отличаются от соответствующих смоленских говоров незначительно, и сами отличия во многих случаях носят частный характер. Такой вывод послужил основанием для объединения могилевских и смоленских пограничных говоров в одну диалектную зону [6, с. 14].

Переходные говоры могилевско-смоленской диалектной зоны «представляют собой своеобразное койне – общий язык, образовавшийся в результате тесного взаимодействия соседних русских и белорусских диалектов, – отмечает В.Б. Сузанович. – Эти говоры характеризуются тем, что в них органически сочетаются, образуя единое целое, русские и белорусские языковые элементы, причем

такое гармоничное единство обнаруживается на всех уровнях языка» [6, с. 15]. Поэтому, по мнению автора, «методика описания переходных русско-белорусских говоров, лексикографическая разработка соответствующих региональных словарей должны существенно отличаться от методик, используемых в частных русской и белорусской диалектологии и лексикографии. Если методика частной диалектологии основывается на противопоставлении диалекта одному конкретному языку (русскому, белорусскому), то методика описания переходных русско-белорусских говоров предполагает двойное противопоставление – русскому литературному языку, с одной стороны, и белорусскому литературному языку – с другой» [6, с. 15]. Различие указанных методик видно на примере сводно-дифференциального СМСПГ и «Словаря смоленских говоров» (ССГ) [4]. Так, употребляющиеся в смоленских говорах белорусские слова типа *арели* ‘качели’, *бок* ‘сторона’, *бруд* ‘грязь’, *весёлка* ‘радуга’, *вёска* ‘деревня’, *гульня* ‘игра’, *гультай* ‘леняй, бездельник’, *догляд* ‘присмотр, уход’, *дозвол* ‘позволение’, *дочухна* ‘доченька’, *лазня* ‘баня’ и др. являются диалектизмами и «на законном основании» помещаются в ССГ. Однако по отношению к говорам МСП эти слова диалектными не являются, т.к. относятся к нормативной белорусской лексике и поэтому в СМСПГ не включаются [6, с. 220]. В него вводятся только слова, отсутствующие в нормативной лексике и русского, и белорусского языка.

Анализ материалов СМСПГ на основе двойного сопоставления диалектизмов – с русским литературным языком, с одной стороны, и белорусским литературным языком – с другой, позволяет выявить типологию диалектной лексики говоров МСП.

1. Собственно диалектная лексика – слова, отсутствующие в составе лексики обоих литературных языков – русского и белорусского: *агашиник* ‘верёвка для опоясывания мужской одежды’; *баёр* ‘лужа’; *борошня* ‘корзина, сплетенная из прутьев лозы’; *бутя* ‘аист’; *галуза* ‘непоседа’; *зэдлик* ‘небольшая скамейка’; *мошак* ‘мухомор’; *курапа* ‘лягушка, жаба’; *баглиць* ‘жарко топить (печь, баню)’; *варлы* ‘жить’ ‘ворчать’ и др. Например: *Раньшы агашинікамі мужыкі штаны пывязвалі* (Любавичи, Мон.Смл.); *Агашиники я сама для мужыка дельыла* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Да Новага Дедина киломитра чатыры, а як напярмку полям итить, дык с киломитр. Тольки там щас многа баёр и речка малая* (Ст. Дедин, Клим.Мгл.); *Пысля дажэжу баёры бывають* (Любавичи, Мон.

Смл.); *Таки ж галуза, худьба минутку на месцы пысьдеў* (Липовка, Хот. Мгл.); *Кали малец у кагобалаваны, то яго галузай завуть* (Соино, Хисл. Смл.); *Бутян лятеў праз двор и курану выраниў з дюбы* (Тростино, Хот. Мгл.); *Если кураны вылазять с пруда, то гразаблиска* (Петровка, Ерш. Смл.); *У машака шапки красныя, с крупалкай-белай* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Адин мужык прышоў калекай ды ня выдержай: атравіўся машакамі, литар вотки наверх – и памёр* (Викторово, Красн. Смл.).

2. *Фонетические диалектизмы* – слова, отличающиеся от соответствующих русских и белорусских литературных слов качеством звуков (*бисонóжки* ‘босоножки’, *дирёвый* ‘дырявый’, *ря ма* ‘рама’, *антарь* ‘янтарь’; *берёвка* ‘крученая веревка’, *кошонок* ‘котенок’, *пульга* ‘пурга’, *месик* ‘месяц’, *луна*, *грёкот* ‘грохот’ (ср. бел. *грукат*), *бажма*, *багма* ‘трясина’ (ср. бел. *багна*), а также их составом (*агляк* ‘глиняный кувшин’ (ср. бел. *гляк*), *ветхлый* ‘ветхий’, *белток* (рус. *белок*; бел. *бялок*), *кона* (рус. *икона*, бел. *ікона*), *рэли* ‘качели’ (ср. бел. *арэлі*), *мрок* ‘мрак’ (ср. бел. *змрок*) и т.п. Расхождение в звуковом составе диалектного и литературного слов возникало и вследствие метатезы – перестановки звуков или слогов, ср.: *бжан* – рус. и бел. *жбан*; *ганавіцы* ‘мужское нижнее белье; кальсоны’ – бел. *нагавіцы*; *камаширка* ‘цветной шерстяной платок, шаль’ – рус. *кашмир* ‘тонкая шерстяная или полушерстяная ткань’.

3. *Грамматические диалектизмы* – слова, отличающиеся от соответствующих русских и/или белорусских литературных слов грамматической характеристикой, например: а) существительные с родовыми различиями: *бедрá*, ж. р. ‘бедро’ (рус. *бедрó*, ср. р.); *бéза*, ж. р. ‘сирень’ (бел. *бэз*, м. р.); *бры́ жа*, ж. р. ‘оборка в одежде’ (бел. *брыж*, м. р.), *пасáга*, ж. р. ‘приданое невесты’ (бел. *пасаг*, м. р.); *свёрна* и *свёрня*, ж. р. ‘сарай для хранения зерна’ (бел. *свіран*, м. р.); б) существительные с различиями в типах склонения: *бол-я*, ж. р., I скл. – рус. *боль*, ж. р., III скл.; *бров-а*, ж. р., I скл. – рус. *бровь*, ж. р., III скл.; в) существительные с различиями в числе: *ганки* ‘крыльцо’, только мн.ч. – бел. *ганак*, ед. ч. Часто различия в грамматической характеристике диалектизма и литературного слова обусловлены различными словообразовательными суффиксами, ср. *боков-ик* ‘боковая часть чего-л.’ – бел. *бакав-іц-а*; *луб-к-а* ‘корзина из липовой коры’ – бел. *луб-ак*; *сен-ніц-а* ‘сарай для сена’ – бел. *сян-нікі* т.п.

5. *Словообразовательные диалектизмы* – слова, отличающиеся от соответствующих русских или белорусских литературных слов *морфемной структурой*: 1) слова, отличающиеся от соответствующих русских и/или белорусских литературных слов *морфемным составом*: *брат-ник* – рус. *брат*; *маз-ил-о* – рус. *мазь*, *ед-инь-е* (*ед-ин'ж-э*) – рус. *еда*; *мот* – рус. *мот-ок*; *жéмер* – бел. *жамер-ын-ы*; *бан-ник* – рус. *пред-банник*; *с-плётка* – бел. *плётка*; 2) слова, отличающиеся от соответствующих русских или белорусских литературных слов *словообразовательными аффиксами*: а) *без-люди* – рус. *не-люди*; *бес-путица* – рус. *рас-путица*; *до-гарок*, *на-гарок* – рус. *о-гарок*; *об-мылка* – бел. *па-мылка*; *без-уважливый* – бел. *ня-ўважлівы*; *за-еденье* – рус. *объ-еденье*; *за-дивляться* – рус. *у-дивляться*; *на-брыдѣть* – бел. *а-бры* 'дзець'; б) *лив-ник* – рус. *лив-ень*; *молот-арка*, *молоти-лиц-а* – рус. *молоти-лк-а*; *бег-в-а* – рус. *бег-отн-я*, бел. *бег-анін-а*; *мастер-к-а*, *мастер-ух-а* – рус. *мастер-иц-а*, бел. *майстр-ых-а*; *берёж-н-ый* – рус. *береж-лив-ый*; *задёр-лив-ый* – рус. *задир-ист-ый*; 3) *диалектные производные* от лексем, представленных в русском или белорусском литературном языке: *на-клёв-ыш* 'яйцо, из которого начинает проклеиваться цыпленок' – рус. *клевать*; *без-ызб-н-ый*, *бес-хат-н-ый*, *без-двор-н-ый* 'бездомный' – рус. *изба*, бел. *хата*, рус. и бел. *двор* 'крестьянский дом со всеми постройками вокруг него'; *без-насён-к-а* 'растение, не имеющее семян' – бел. *насенне* 'семя, зерне, з якога пачынае развівацца нававая расліна'; *над-столь-ник* 'чердак' – бел. *столь* 'верхняя ўнутранае пакрыццё памяшкання'; *на-глаголить* 'наговорить' – рус. устар. *глаголати* 'говорить, выражаться, высказываться'; *жартовать-ся* 'гулять, веселиться' – бел. *жартаваць* 'весела і забаўна гаварыць, вастрасловіць'.

6. *Семантические диалектизмы* – слова, совпадающие по звуковому облику с русскими или белорусскими литературными словами, но отличающиеся от последних по значению: *бедняга* 'сирота', *забор* 'складки в одежде', *кресло* 'ромбовидная вставка в брюках', *месяц* 'серп', *монисты* 'ордена, медали', *ноздри* 'поры в продуктах (хлебе, блинах, сыре и т.п.)', *скула* 'нарыв, опухоль', *маяться* 'беспокоиться, волноваться', *могутнѣть* 'выздоровливать, оправляться от болезни' и т.п. Уже из приведенных примеров видно, что семантические диалектизмы возникают на готовом словарном материале. Наиболее продуктивными способами семантического переосмысления слова и развития

его семантической структуры в говорах МСП являются следующие общеязыковые модели: 1) метафорическая: **ладонь** ‘крытая площадка для молотьбы; ток’: *У нас у дярёўни места, идемалотютьхлеп, хтояк называю: хтоскажа “ток”, хтоскажа “гумно”, а старья, дык тыя и “ладонь” могут скызать* (Титовка, Клим. Мгл.); *Снапыспирвасвозють на ладонь, там их абмалотють, а патом ужосносють у асетьсушыть* (Татарск, Мон. См.); **лапик** ‘небольшой участок земли’: *У дярёўникожны свой лапик мая, кабгарот садить* (Милейково, Мст.Мгл.); *А нам да вайны два лапиказямלי дали* (Любавичи, Мон. См.); **беседка** ‘скамейка, лавочка около дома’: *Сядайтя, деўки, на бясетку, ўсеммесца хватить. Дык ап чым будим гаварыть?* (Звенчатка, Клим.Мгл.); *Етую бясетку яце наш дет скылатиў* (Соино, Хисл. См.) и 2) метонимическая: **кипяток** ‘чай’: *Як хвароба якая, папъеш кпятку смалинай– и палучшая* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Можя, вас кпятком угастить, деўки?* (Любавичи, Мон.Смл.); **бульба** ‘картофельный суп’: *Баба сварила супу с картошки и гаварить мне: “Хади бульбу паеш”* (Литвиновка, Ерш. См.); *У нас зжыткавабольши за ўсёлюбятьборшич и бульбу.* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); **беседа** ‘праздничное застолье’: *Раньшы хто тубыгатеишы, дыг бальшыя бяседы устройваў* (Звенчатка, Клим.Мгл.); *Скора у Светки свадьба – во будя быгатая беседа* (Соино, Хисл. См.); *На беседе и гарманиста приглашали* (Любавичи, Мон. См.); **бог** ‘икона’: *У хати самая святоя места – багаўня, на якой бох стаить* (Ст. Дедин, Клим.Мгл.); *Раней у етым куте бох стаяў, патом йиво матка пиранесла ў тэйкуточак* (Милейково, Мст. Мгл.). Иногда мотивация переноса наименований оказывается затемненной, например, **бор** ‘болото’: *Если балота топкая, нипрахадимая – эта и ёсь бор* (Литвиновка, Ерш.Смл.); *Кались мы с сусеткайпашли ў бор дурницы брать и чуть ни утапилися* (Звенчатка, Клим. Мгл.); **баклан** ‘деревянный бочонок для дегтя’: *Хызьяин зыташчыў баклан на крышу, стаў яе дёхтям зыливать* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Раньшыяўреи ездили па дярёўнях з гаршками, мисами, быкланами з дёхтям; усё эта выменивали на хлеп и картошку* (Любавичи, Мон. См.).

Наблюдение над словарным материалом говоров могилевско-смоленского пограничного региона показывает, что диалектные слова претерпевают различные семантические сдвиги. Так, у диалектных слов может развиваться многозначность в результате тех же процес-

сов, что и в литературных русском и белорусском языках [6, с. 263-264].

Анализ словарных статей СМСРГ свидетельствует, что наиболее продуктивным способом развития переносных значений диалектных слов является *метафорический перенос наименования*. Отметим наиболее распространенные модели метафоризации. Так, среди имен существительных чаще всего в основе переноса названия лежит *внешнее сходство* сопоставляемых предметов: а) *сходство формы, внешнего вида*: **долблёнка** 1) 'одноместная лодка, выдолбленная из бревна', 2) 'деревянное долбленое корыто для кормления скотины'; **киёвка** 1) 'кукурузный початок', 2) 'соцветие, початок камыша'; б) *сходство объема, количества сопоставляемых предметов*: **двойник** 1) 'рубанок с двумя ручками для совместной работы', 2) 'двухпудовая гиря', 3) *устар.* 'попарно связанные снопы в покрытии крыши'; **десятник**, *этногр.* 1) 'пряжа из десяти нитей', 2) 'холст в десять пасм основы'; в) *сходство в месторасположении предметов*: **налобник** 1) 'передняя лобная часть чепца', 2) 'передняя часть крыши'; **испод** 1) 'нижний край одежды, подол', 2) 'подкладка в теплой одежде'; г) *сходство вкуса, запаха*: **кислятьё** 1) 'сыворотка', 2) 'перекисшая капуста'; **волючка** 1) 'трава с неприятным запахом', 2) 'клоп'. Более сложными являются метафорические переносы наименований, которые возникают на основе образных представлений или эмоциональных восприятий: **журик** 1) 'рыба пескарь', 2) *перен. экспр.* 'непоседа; ловкий, пронырливый человек'; **глёк** 1) 'глиняный кувшин с узким горлом', 2) *перен. экспр.* 'толстый человек, толстяк'; **гайно** 1) 'логово зверя', 2) 'свинарник', 3) *перен.* 'беспорядок в доме, помещении'. Подобные метафоры создают зрительное впечатление об обозначаемом, содержат элементы оценки, различные коннотации, как правило пейоративные.

Многозначные слова в говорах МСП могут появляться также в результате разного рода *метонимических переносов*. Основой метонимии служат пространственные, временные, причинные, следственные и др. ассоциативные связи, которые возникают вследствие сопредельности называемых предметов, явлений действительности. Наиболее продуктивным среди обследованного лексического материала является перенос наименования на основе метонимической связи *материал*→*изделие из этого материала*: **граверка** 1) 'гравий', 2) 'дорога, посыпанная гравием'; **картопля** 1) 'картофель',

2) ‘картофельный суп’; *кльчка* 1) ‘скомканная, смятая солома, трава и т.п.’; 2) ‘соломенная крыша’; *намётка*, *этногр.* 1) ‘тонкое полотно домашнего тканья, чаще с вытканым или вышитым узором’, 2) *этногр.* ‘длинный женский головной платок’, а также на основе метонимической связи *вместимое* → *вместилище*: *зімница* 1) простокваша из молока, собранного во время зимнего поста; 2) бочка для такой простокваши; *дегтярка* 1) деготь; 2) ведро для дегтя.

Основанием для переноса наименования служит и функциональная общность – сходство назначения, функции обозначаемых референтов: *валёк* 1) ‘цеп для обивания льна’; 2) ‘козлы, чурка и т.п., приспособленные для молотбы’; *задвёрка* 1) ‘калитка’; 2) ‘дверь в чулан’; *каталка*, *этногр.* 1) ‘приспособление из скалки и валька, служащее для глаженья белья’; 2) ‘скалка для раскатывания теста’.

Метонимический перенос путем соподраствования, или синекдохи, позволяет назвать целое по его части и наоборот: *курдюки кардюк* 1) ‘живот, брюхо’; 2) *перен. экспр.* ‘человек с большим животом’; *гуз* 1) ‘лопух, рпейник’; 2) ‘головка лопуха, рпейника’.

Таким образом, материалы СМСПГ показывают, что в могилевско-смоленских пограничных говорах, занимающих маргинальную зону на стыке белорусского и русского языков и находящихся в исторически обусловленном фронтальном и афронтальном межъязыковом и междиалектном контактировании, основным источником формирования лексического фонда являются близкородственные восточнославянские языки – белорусский и русский – и их диалекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карский Е.Ф. К вопросу о границах белорусских говоров // Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М.: Изд. АН СССР, 1962. 714 с.
2. Кузнецов П.С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1951. 141 с.
3. Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров. Автор-составитель В.Б. Сузанович. Ред. кол.: Л.И. Шаповалова (отв. ред.), И.Н. Лапицкая, Т.С. Воробьева. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. 196 с.
4. Словарь смоленских говоров. Под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Вып.1-11. Смоленск, 1974-2005.

5. Соболевский А.И. О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности // Изв. отделения рус. яз. и словесности. СПб, 1904. Т. 9. Кн. 2. С. 14–23.

6. Этнолингвистическое и лексикографическое описание говоров могилевско-смоленского пограничья: монография. В.Б. Сузанович [и др.]. Ред. кол.: В.Б. Сузанович (отв. ред), Л.И. Шаповалова, И.Н. Лапицкая. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. 312 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова